

СОБОР СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ КАК ЗЕРКАЛО ДУХОВНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

УДК 726:271.2(470.54-25)

DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15103

Н.А. Петров-Спиридонов*Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия*

Аннотация

Рассмотрена связь теоретических предпосылок современного православного храмового зодчества и спектра типовых проектировочных задач при проектировании крупных храмовых комплексов в мегаполисе. Выявлены некоторые аспекты характерных взаимосвязей культурно-исторических и собственно духовных сторон жизни общества, с одной стороны, и конкретики применяемых проектировочных приемов для исследуемой категории объектов, с другой. Показано значение детального культурно-исторического анализа среды проектирования¹.

Ключевые слова: православное храмовое зодчество, Русская Православная Церковь, начало XXI века, храмовые комплексы, Екатеринбург

ST. CATHERINE'S CATHEDRAL IN YEKATERINBURG AS A REFLECTION OF THE SPIRITUAL PROBLEMS OF THE MODERN METROPOLIS

N. Petrov-Spiridonov*Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia*

Abstract

The connection between the theoretical premises of modern Orthodox temple architecture and the range of typical design tasks in the design of large temple complexes in the metropolis is considered. Some aspects of the characteristic interrelations of cultural-historical and spiritual aspects of society life, on the one hand, and the specifics of applied design techniques for the studied category of objects, on the other hand, are revealed. The significance of a detailed cultural and historical analysis of the design environment is shown.²

Keywords: Orthodox temple architecture, Russian Orthodox Church, the beginning of the XXI century, temple complexes, Yekaterinburg

Мегаполис и духовные основы жизни общества

Мегаполис в сознании современного человека, судя по всему, существует двояко: и как «страдалец», как объект мыслей об исправлении и лечении, и одновременно как некий «идол», задачам усовершенствования которого будто бы должна подчиняться вся

¹ **Для цитирования:** Петров-Спиридонов Н.А. Собор Святой Екатерины в Екатеринбурге как зеркало духовных проблем современного мегаполиса // Architecture and Modern Information Technologies. – 2020. – №2(51). – С. 43–56. – URL:

https://marhi.ru/AMIT/2020/2kvart20/PDF/03_petrov.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15103

² **For citation:** Petrov-Spiridonov N. St. Catherine's Cathedral in Yekaterinburg as a Reflection of the Spiritual Problems of the Modern Metropolis. Architecture and Modern Information Technologies, 2020, no. 2(51), pp. 43–56. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2020/2kvart20/PDF/03_petrov.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15103

архитектурно-градостроительная деятельность. Скорее всего, и то, и другое – в значительной степени самообман людей, и одно, по существу, исключает другое, но проверить это никакими научными средствами невозможно. Такие нюансы восприятия современного мегаполиса лежат в области психологии личности, что никак не является областью архитектурного исследования. Проблемы эти, однако, отнюдь не чужды религиозному миропониманию в православии. Причем, не вдаваясь в пространные рассуждения, можно сразу сказать, что все эти проблемы – это, прежде всего, проблемы духовного развития людей. Равно и «негатив» мегаполиса, и сотворение из него некоего «кумира». Первое – это недостаток ответственности перед социумом и своим ближним (это и экологические проблемы, и проблемы асоциальности, в том числе молодежи, криминал, обезличивание людей, пошлость СМИ – что есть 100% достижение мегаполиса, ранее немыслимое в России «на селе» и т.д.). Второе – «сотворение кумира» – это духовная дезориентация, и для понимания ее достаточно знать Заповеди, никакой нарочитый научный аппарат здесь не требуется. Образец архитектурного «кумиризма» – гигантский небоскреб посреди сотен гектаров полузастроенной площади и открытой природы, где он *органически не нужен, чужд пространству*. Из отечественных примеров это вполне иллюстрирует Лахта (рис. 1).

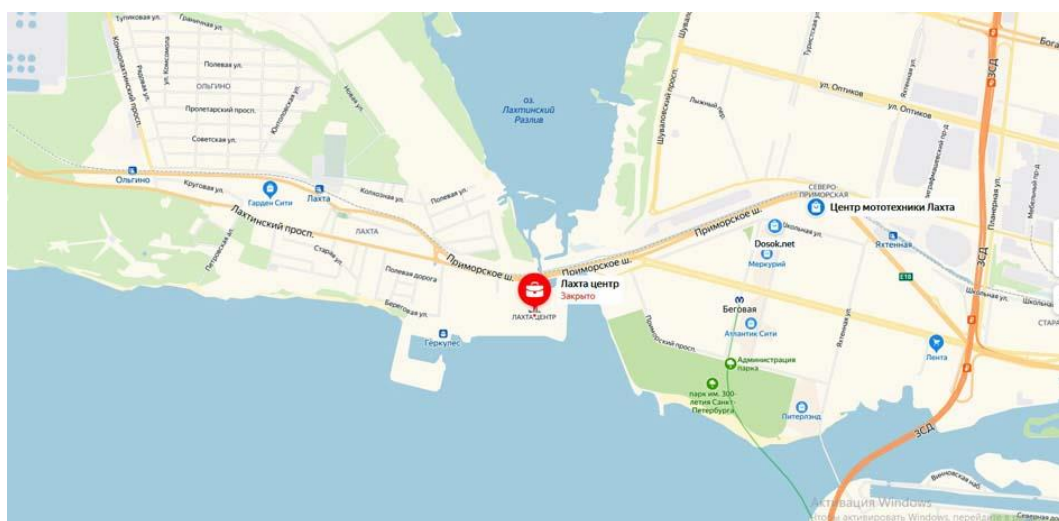

Рис.1. Карта-схема территории вокруг небоскреба «Лахта-центра», Санкт-Петербург

Такая категория, как «безмыслие», и вовсе не может быть предметом исследования в архитектурной науке. Однако, на уровне непосредственных эмпирических впечатлений, мы считаем необходимым упомянуть характерное общее впечатление от мегаполисов в их современном укладе. В 1989–1990 годах, при посещении США и Японии с научными командировками, автор, естественно, наблюдал контраст между отечественными городами с их чистой тогда еще атмосферой, и гипертрофированными «ритуальными» улицами – Гинзой, Бродвеем и т.д. В глаза бросались две вещи: пошлость среды и навязчивость «чего-то» в пространстве, и это «что-то» со временем все больше распознается автором как *безмыслие*. Аргумент, что возникающая градостроительная среда и психологическая обстановка таких городских центров есть результат «экономических» и «политических» процессов, и будто бы поэтому *безмыслия* в таких образованиях быть не должно – довольно слабый. Если понимать слово «безмыслие» как отсутствие связи с Богом, то именно так и есть – чем гипертрофированнее объемы зданий и пошлее атмосфера, тем больше безмыслия в таких образованиях.

Завораживающее, всепроникающее действие безмыслия – «для чего же нужно устроить или построить то-то и то-то особо «мегаполисное» – *самое главное – ни для чего!!!*» – вот что сокрыто тут на самом деле. Поэтому то, что отвечает на вопрос «для чего построить?» в позитивном, жизнеутверждающем смысле – для образования ли, для медицины, для науки, для сохранения памяти поколений, для подлинной культуры и, тем

более, для духовной жизни человека, конфликтует с «гипнозом безмыслия». Если позволительно автору говорить от первого лица – какое мне, как и другим согражданам, дело до того, что господин Джонс или Иванов построит километровый небоскреб, повесит на нем свою рекламу и будет «реализовывать свои услуги»? Ровно никакого, в лучшем случае, если он при этом не губит природу и историческую среду. Напротив, то, что дорого людям – радость природы и чистоты, радость общения, семья, события культуры и т.д. – это есть общее, не ложно объединяющее всех, или «соборное» по-церковному, и все это требует совершенно определенной полифонической и жизнеутверждающей пространственной организации, не только прямоугольных (скошенных) стеклянных комнат, образующих свое «броуновское движение» в пространстве. И, что особо важно, жизнеутверждающие объекты, не лишённые духовного смысла (библиотеки, консерватории, университеты, и, естественно, храмы), *никогда не образуют броуновского хоровода, ничем не одушевленного и никуда не ведущего*. Идеал мегаполиса – это вселенский, безграничный фитнес-центр, или пивной зал, или гипермаркет, который в прямом смысле выносит из человека душу, но зато приносит деньги в кассу. И, тем более, такая тонкая вещь, как вопросы вероисповедания, духовная жизнь, естественно, находятся на другом полюсе бытия относительно «радостей мегаполиса». Что из этого следует? Очень важный принцип: что в отношении мегаполиса (в контексте статьи) тем более нельзя уклоняться от устоев духовной жизни. Архитектура храма или комплекса может быть сколь угодно «старой» или «новой», но она должна нести благое начало, и, тем более, она не может быть основана на *безмыслии*.

Задача создания крупных православных комплексов в современных городах России на сегодняшний день вряд ли может считаться детально проработанной в научной литературе. Ряд публикаций по данной тематике, естественно, существует [1–8]. В частности, автором лично рассмотрены некоторые вопросы, близкие к данной теме. В контексте статьи важно следующее: основной смысл создания православной архитектуры (крупных комплексных объектов) равнозначен смыслу создания архитектуры любого самого малого сельского храма, и смысл этот – «архитектурная» часть сущностных ответов православного вероучения на духовно-нравственные запросы людей и повседневные вопросы бытия [9]. «Возлюбиши искренняго твоего яко сам себе» – это, если сказать одним словом, и есть смысл разработки архитектурно-художественных решений, объёмно-пространственных композиций и отдельных приемов в православном зодчестве. И сила выражения именно такого смысла прекрасно известна по «архаичным» памятникам Золотого Кольца, Великого Новгорода, Пскова и других общеизвестных городов и поселений подобного уровня.

К сожалению, вихрь тяжелых исторических событий XIX и XX веков привел к инверсии языка и даже отчасти самих понятий, отчего под словом «архаичность» (и его синонимами – древнее искусство, средневековое искусство и т.д.) преподносится и понимается ряд будто бы стилевых признаков, а в действительности это не «стиль», а душевный и смысловой посыл – «возлюби ближнего своего», смысл Заповедей. И еще одна сторона этих явлений в зодчестве и искусстве стала ускользать от понимания – что такое движение души человека неотделимо от чувства и осознания святости, т.е. ни любовь к ближнему невозможна без любви к Богу, ни обратное – без любви к людям вера не живет, она превращается сначала в ханжество, потом в сектантство, потом и вовсе может дойти до поклонения некоей абстракции (идолу). Именно это подразумевал Л.А. Успенский, когда говорил о том, что в конце XIX века, когда творческая интеллигенция попыталась вернуться в Церковь, «светская культура оказалась бессильной» в отношении создания новых икон и отчасти архитектуры [10]. «Средневековая» цельность сердца, ума и действия диспергировалась на «стилизмы» и лже-самооценку, отчего в конце XIX – начале XX веков вошло в обычай не столько отвечать на чью-то потребность (духовную, в первую очередь) каким-то действием, пожертвованием, а отвечать привлечением художественных «измов». Крайне характерны в этом отношении частные записи серьезных авторов, сделанные будто мимоходом. Например, Бунин упоминает некоего представителя тогдашней интеллигенции из числа «радетелей о народе», который, радея о народе, даже не видел толком, как растёт рожь –

это в те времена!!!³. Что это означает? Подмену реального действия театрализацией. Духовная жизнь (не в «советском» понимании этого слова – как чтение литературы, посещение концертов и т.д. – а в исходном, церковном, как участие в Таинствах Церкви, как собственное покаяние, милосердие) заменяется на ее «эманацию». Условно говоря, человек предпочитает поговорить с «ценителями искусства» о высоком архитектурном искусстве Покровского или Кричинского, нежели поехать в монастырь и покопать грядки, поколоть дрова на послушании, помолиться, примириться с ближним.

Относительно произведений искусства вообще (что коррелирует и с восприятием архитектуры в целом) можно привести множество примеров следующего рода. Так, если взять для сравнения творчество поэта Блока и *простую* песню «Смуглянка» из всем известного фильма, что мы видим? Творчество Блока среди современного населения не воспроизведет, да и вообще не вспомнит практически никто. «Незамысловатую» вроде бы «Смуглянку» при этом помнят и узнают практически все, во всяком случае, все здраво мыслящие и здраво исторически ориентированные граждане России. Возможно, сама по себе она бы и осталась малоизвестной, но песня прочно вошла в ассоциативный ряд представлений о *праведниках* Великой Отечественной войны. Иначе говоря, о людях, на деле совершавших правду человеческую, и, более того, правду Божию, пусть и в тяжком труде войны. А Блок, про которого тот же Бунин писал, что он «человек глупый», не только после революции «поэтизировал» богохульство, но и до революции, судя по всему, пытался гипертрофированным эстетизмом подменить *праведность* в искусстве. Например, праведность произведений тех же Нестерова или Левитана, пусть это и разные жанры (но смысл центральной идеи их творчества как *праведности* несомненен). Точно так же – в церковном искусстве и в архитектуре предреволюционного периода временами возникал переизбыток «эстетизма» всех модных тогда толков, который, возможно, и переработался бы в подлинное Возрождение староновогородского или владими́ро-суздальского зодчества, если бы все не оборвалось в 1917 году. Но в психологическом смысле для архитекторов это образовало некий подвох, то есть утвердило мысль о том, что «эстетизмом» будто бы можно заменить вхождение в собственно церковную жизнь. Суммируя вышесказанное применительно к данной работе, уместно предположить, что решить задачу создания крупного православного храмового комплекса в мегаполисе (в смысле архитектуры) невозможно опираясь только на эстетизм. И, тем более, на его *отсутствие*. Архитектура такого значимого объекта, без сомнения, должна отражать и повседневный буквальный и духовный труд людей, совершающих правду человеческую и правду Божию.

Вышеизложенное нисколько не является отступлением на «общие темы», если рассматривать проблемы мегаполиса, прежде всего, как набор нарочитостей духовного и культурного, а также и организационно-бытового рода. Мегаполис – это не просто место проживания большого числа людей, а некая «самокодированность» или «запрограммированность» значительной части его населения, *циклически воспроизводимая во времени посредством архитектуры и общей организации пространства*. Но храм, собор с комплексом общественных зданий или без него – это никак не «нарочитость» мегаполиса. Поэтому критерии оценки архитектуры такого объекта, как и его проектирования, не могут находиться в одном ряду с критериями проектирования (и представлениями о роли) всевозможных ТРЦ, экспозиционных площадей и пр. Если для ТРЦ (и их аналогов в разных вариантах сочетания функций) главным требованием к архитектуре является поддержание нарочитости, создание искусственного пространства для наиболее долгого «ритуального» хождения

³ «Мне Скабичевский признался однажды:

– Я никогда в жизни не видал, как растет рожь. То есть, может, и видел, да не обратил внимания. А мужика, как отдельного человека, он видел? Он знал только «народ», «человечество». Даже знаменитая «помощь голодающим» происходила у нас как-то литературно, только из жажды лишний раз лягнуть правительство, подвести под него лишний подкоп. Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого и жизнь не в жизнь была. (И.А. Бунин. «Окаянные дни»).

(пребывания) посетителей внутри с неизбежной тратой денег, то храмовый комплекс в православном понимании к такому никак не причастен.

Здесь существует и иной, совершенно принципиальный онтологический момент. Он давным-давно известен как общественно-исторический факт и не нуждается в каком-либо научном объяснении или «постулировании», но его приходится приводить. Речь идет как раз о том, что Церковь не может быть «закодирована» под стилистику какого-то временного периода, моды, «веяний времени» и т.д., потому что вневременная ее сущность лежит вне поля различных стилистических, обрядовых, поведенческих представлений. При поверхностном знакомстве с этой темой может показаться, что это совсем не так, и все Поместные Православные Церкви вбирают культурно-исторические черты своих стран и по внешним деталям существенно разнятся, как и по языкам. Или, например, тот же Петр Первый ввел принципиально новую для России архитектуру Трезини и т.д. В действительности это говорит только об одном – о «НЕ-сектантстве», о подлинности духовной жизни, которая и *должна* вбирать в себя конкретные черты времени, привычки и обычаи населения, поскольку эта духовная жизнь является органической частью жизни народа той или иной страны. Поэтому и приемы любого стиля уместны и хороши, если они повествуют о главном – «возлюби ближнего своего», о Заповедях и Горнем Мире. А когда приемы стиля или «кодировка» под требования градостроительной среды становятся самоцелью, в церковном зодчестве возникает пустота, вакуум, даже обманчивость.

Существенно, что мировосприятие города в современности «подвешено». Исторически жители городов не просто ходили в храмы, но с особым почитанием относились к святым, всячески избегавшим городов (даже средневековых!). Например, преподобный Савватий Соловецкий, преподобный Александр Свирский – святые, особо почитаемы и в Москве, и в других больших городах до революции. Это вольно и невольно накладывало отпечаток на формирование пространства – оно не было духовно безадресным.

На примере Москвы можно сказать о том, что гигантская работа проектировщиков по созданию цельного города еще в послевоенные годы, с замечательными результатами, постепенно (со времени Хрущева) начинала превращаться в «строительство муравейника». Действуя, казалось бы, в пределах только светских мотиваций, градостроители в конце 1940-х годов еще удерживали города от безликости. «Новые Арбаты», как хорошо известно, не способствовали духовному росту людей.

Следовательно, постановка задачи исследования в данной работе выглядит достаточно своеобразно. Общая цель формулируется на первый взгляд просто – поиск научно обоснованных подходов и приемов проектирования крупных православных храмовых комплексов общегородского значения на примере г. Екатеринбурга. Но конкретика задач в данном случае своеобразна, т.к. первая задача предметно-проектировочная – это выявление объемно-пространственных, стилистических и семантических характеристик, позволяющих осуществить проектирование данного соборного комплекса как средоточия духовной и общественной жизни *в ткани города*, но при этом *вне нарочитости духа* и атмосферы «культа мегаполиса». Вторая задача находится в другой плоскости, это задача более гуманитарная, культурно-историческая и общественно-архитектурная: выявление особенностей как среды, так и предполагаемого объекта с точки зрения достижения существенных положительных результатов эволюционного характера, т.е. выявление принципов проектирования с учетом потребностей как настоящего времени, так времени «обозримого будущего», в котором данный комплекс будет служить на благо не одному поколению людей. Может быть, непривычно при формулировании задач научной работы применять обороты речи из богослужебного обихода, но точнее и короче, чем словами прошения на Литургии, сказать о целях и задачах здесь невозможно – надо найти способ создать «благорастворение воздухов» в архитектурном пространстве собора, комплекса и города.

Формирование методических подходов к проектированию современных православных храмовых комплексов

Сложность проводимых исследований состоит в необходимости итоговой формулировки результатов в неких обобщениях; но при этом «обратный ход», т.е. конкретное применение формулировок данных обобщений в практическом проектировании затруднителен. Так, например, в работе М.С. Ивиной православные храмовые комплексы в городе подразделяются на следующие категории объемно-планировочной схемы: встроенно-рассредоточенная, компактная, блокированная, атриумная, дифференцированная [1]. Как перейти от данной систематизации к идее конкретного проекта?

Примеры возведенных в последние десятилетия крупных православных храмовых комплексов приведены ниже. В целом им свойственно следующее. Доля комплексов, которые можно было бы назвать «ансамблевыми», т.е. изначально спроектированными как единая композиция, отображающая главную идею возведения собственно храма – несмотря на наличие функциональных помещений другого рода – очевидно, не столь велика.

Примеры подобных комплексов в недавней истории – это церкви-школы (рис. 2). Более ранние примеры, как комплекс Голицынской больницы в Москве, хорошо известны. Характерное отличие от современности состоит, как совершенно очевидно, не только в габаритах и количестве площадей разного функционального назначения, но и в том, что «ансамблевые комплексы с храмами» XVIII-XIX века были во многом автономными произведениями. Иначе говоря, архитектурно-художественный статус комплексов того времени как центров достаточно крупного пространства города (поселения) был неоспорим.

Рис. 2. Церковь-школа Святого праведного Симеона Верхотурского в Екатеринбурге, 1901–1906 гг.

В современности возникло две проблемы: во-первых, диссонанс масштабов между гигантскими башнями, целыми кварталами офисной и торговой застройки и храмовой архитектурой, которой геометрический *неодушевленный* гигантизм принципиально противопоказан. Во-вторых, проблемой становится «отсутствие чистого воздуха», разумеется, в переносном смысле прежде всего, хотя и в буквальном тоже. В XIX веке пространство вокруг храмов (комплексов) было насыщено природой, уютом, самое главное – к храму не «подскакивал на ходу» возбужденный или перевозбужденный массой пустой и агрессивной рекламно-коммерческой информации человек. Образно

говоря, чтобы увидеть красоту храма, тем более внутреннюю, более глубокую, чем внешне-художественную, человеку необходимо «вынырнуть» из энтропии сознания и духовных настроек. Притискиваясь вплотную к храму (храмовому комплексу), город нередко лишает человека возможности вдохнуть «чистого воздуха» в уме и в сердце и должным образом созерцать храм.

Православные храмовые комплексы из числа наиболее удачных в современности, судя по всему, запроектированы по принципу «город в городе». Это принцип вряд ли полностью адекватен принципу создания ансамбля. Нередко, к сожалению, условия проектирования заставляют «нагородить», пусть и гармонично по возможности, каскад определенных объемов – храма, важнейших функциональных зон и помещений, подсобных помещений, автостоянок и т.д. Интонации слов показывают разницу: можно сказать «нагородить», можно – «отгородиться»; можно – построить «город в городе», что неравнозначно.

Православные храмовые комплексы из числа наиболее гармоничных (за последние 20 лет) представлены на рисунках 3 и 4. Существенно то, что объемы помещений общественно назначения (не-богослужебные) в них много меньше, чем предполагаемые для комплекса собора Святой Екатерины.

Рис. 3. Сретенский монастырь, Храм Воскресения Христова и Новомучеников и исповедников Церкви Русской 2014–2017 гг.

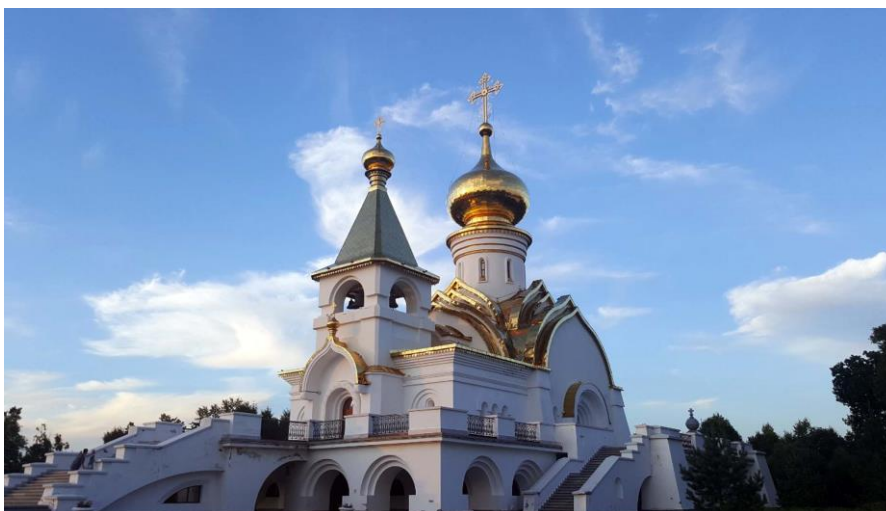

Рис. 4. Церковь прп. Серафима Саровского, Хабаровск, 2001–2004 гг.

Здесь мы и подходим к выявлению основного сущностного противоречия в смысле методологии (или позиции) проектирования исследуемых объектов. Храм (собор) по существу должен являть собой не просто духовную незыблемость, независимость от веяний времени. Своим пространством вкупе и иконописью, и с архитектурой он должен возводить человека горé. Соответственно, чем больше «нагорожено» по соседству или в одном объеме, тем тяжелее воспринимается общая композиция, и тем сильнее тяготение к земле. Безусловно, это сверхзадача – поднять (архитектурно) буквально на *своих плечах* тяжесть окружения.

Поэтому основную парадигму в смысле теоретических подходов к проектированию крупных православных комплексов в мегаполисах можно пусть не сформулировать в точности, но хотя бы обозначить словами: *главное – не «отгородиться» или «нагородить», главное – преодолеть тяжесть земного, «вещного» бытия, в той или иной мере присутствующую в среде мегаполиса.*

Соответственно, сразу возникают такие методические следствия, как организация принципиально иной, нежели в окружающей среде, вертикальной ритмики и тектоники; организация по возможности буферной зоны между городом и комплексом; как принцип безусловного главенства архитектуры храма над функциональными помещениями иного назначения, причем не просто архитектура комплекса должна быть «подогнана» под архитектуру храма, а здания должны быть своего рода «резонатором» для архитектуры храма. В архитектуре самого комплекса должен присутствовать не только внешне-стилистический ответ на архитектуру храма, а должен быть глубоко осмысленный ответ подобно тому, как весенняя земля отвечает многоголосием природы, неба, облаков на свет поднимающегося солнца. «Гелиоцентрическая», т.е. храмоцентрическая архитектура, независимо от применяемых стилевых подходов, представляется наиболее правильным подходом в решении таких сложнейших задач, как проектирование крупного православного комплекса в мегаполисе (рис. 5).

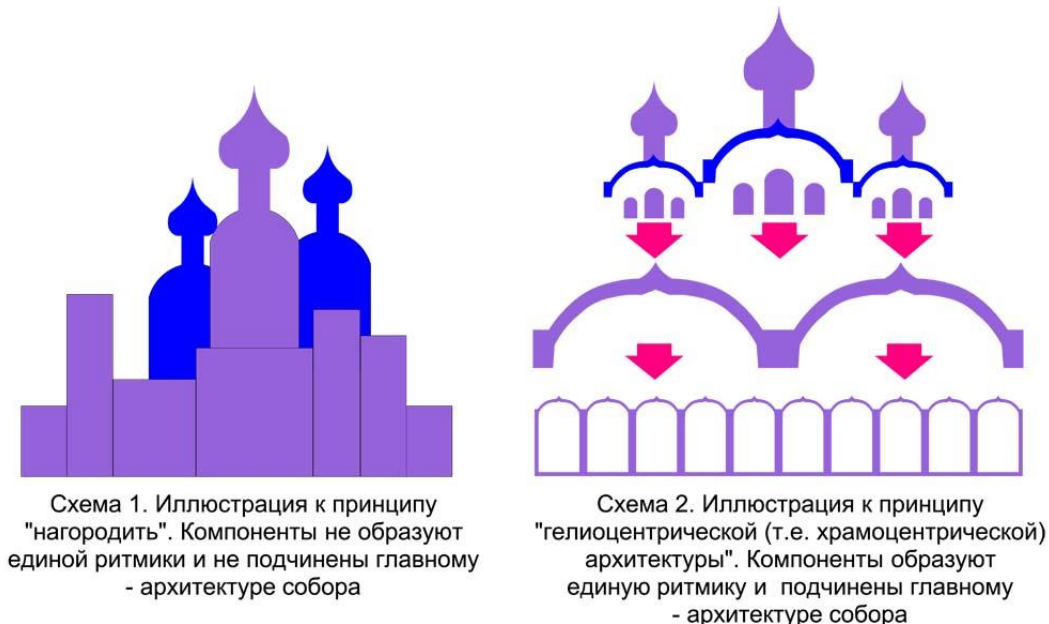

Рис. 5. Иллюстрации к тексту «храмоцентрической» (или «гелиоцентрической») организации объемно-пространственной композиции православных храмовых комплексов

Специфика градостроительной среды центра Екатеринбурга

Описание исторических и современных зданий центра Екатеринбурга – разумеется, отдельная тема, и мы нисколько не претендуем на более основательные знания, нежели

знания специалистов, занимавшихся данной темой. Применительно к теме статьи важно следующее. Центр города представляет собой переплетение участков весьма «исторических», в некоторых случаях – с явными признаками уральской лиричности, своего рода бажовской «сказочности», отдельных пока еще укрупненных современных зданий (высотных, стадиона) и, естественно, фоновой маловыразительной застройки. Пока говорить о том, что новые башни объединились в «ритуальный» мегаполис, по нашему мнению, преждевременно. Тем не менее, нельзя не вспомнить всем известный случай «протестов» весной 2019 года, в которых, если отбросить явно провокаторский контингент, как раз и участвовали, судя по всему, люди, безотчетно подвластные *гипнозу безмыслия* мегаполиса.

Очевидно, сильной потребности в театральной «историчности» архитектуры для нового собора нет, намного важнее искренняя дань уважения к прошлому. Характерно, например, что архитектура Храма-на-Крови воспринимается как более современная по сравнению с архитектурой рядом стоящего комплекса центра «Царский», который по существу можно считать весьма удачным решением в смысле проектирования сложных православных общественных комплексов с храмами. Центр «Царский» выглядит более «исторично» и естественно для города, что, конечно, не вводит в заблуждение специалистов относительно датировок его постройки.

Уничтоженный собор Святой Екатерины (облик его хорошо известен), по мнению многих архитекторов и автора в том числе, возможно, не стоит воспроизводить в прямом копийном виде. Именно потому, что сильнейшим образом изменилась градостроительная среда, и не только потому, что само прежнее его место застроено. Это тот, вероятно, нечастый случай, когда прямое восстановление исторического облика стало бы с профессиональной точки зрения не единственным бесспорным подходом. Скорее, речь идет о возможно более полной регенерации собственно ассоциативно-средовых связей, атмосферы, которая с учетом сильно изменившегося города в целом стала бы не менее значимой (в смысле архитектуры нового собора), чем прежний Екатерининский собор в прежнем городе.

Предлагаемые методические подходы и практические приемы проектирования комплекса собора Святой Екатерины в Екатеринбурге

Объединяя все вышесказанное, можно сказать, что центром размышлений о новом соборе и комплексе для Екатеринбурга, безусловно, не стоит считать полемику о внешней «историчности» или «не-историчности». На первое место выходят смысловые связи архитектуры собора как центра духовной жизни, естественно, архитектуры комплекса – как «весенней природы, на которую светит ласковое солнышко», и градостроительной среды.

Существуют две крайности, которых следовало бы избегать (но само по себе это не заменяет позитивного решения). Одна крайность – соблазн избыточного эстетизма – при такой его степени, когда он сам начинает считать себя самодостаточным и не нуждающимся даже в первоисточнике церковного зодчества – вере и Церкви. Хотя это может быть очень модно и завлекательно – набросить на архитектурную ткань города некую невиданную эстетическую «вуаль», которая поглотит внимание (на время). Вторая крайность – избрание мегаполиса в качестве камертона для архитектуры собора и комплекса.

Автором предложены некоторые варианты (один из них был опубликован). Эскизы представлены на рис. 6–8. По мере возможности, в данных разработках была предпринята попытка осуществить принципы проектирования, обсуждаемые в статье.

Рис. 6. Фасады собора Святой Екатерины с комплексом помещений социального назначения (разработка автора). Слева – вид с запада, справа – вид с юга

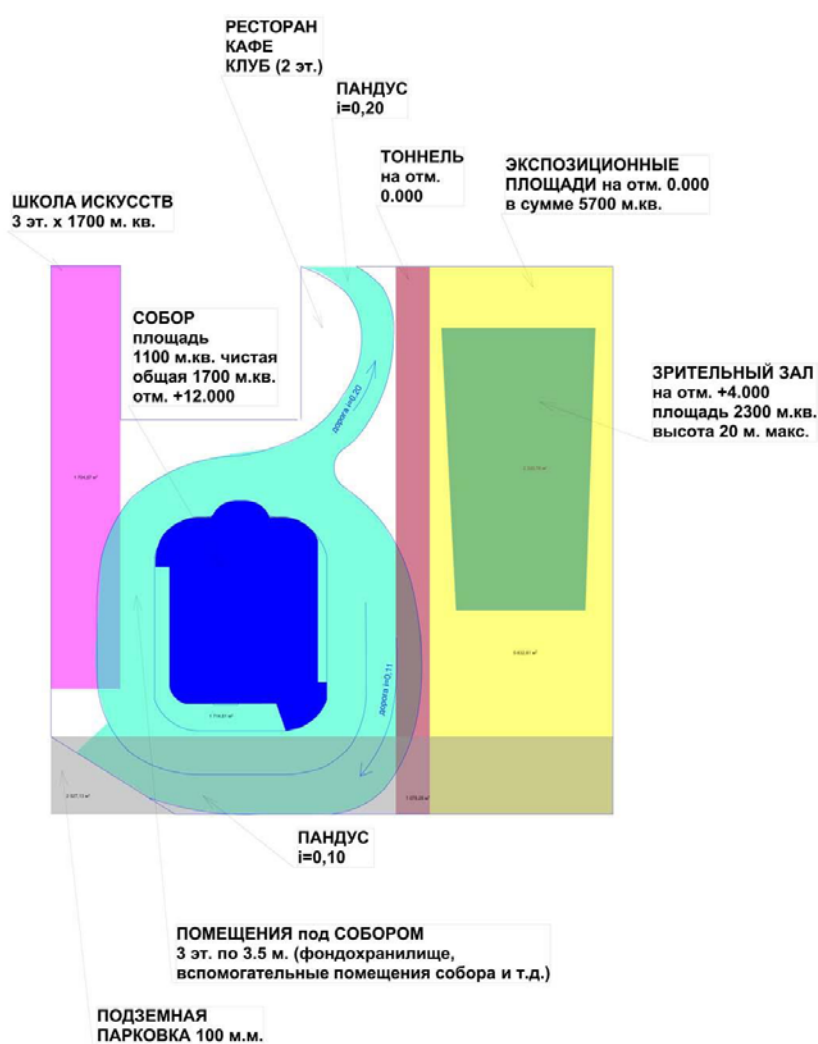
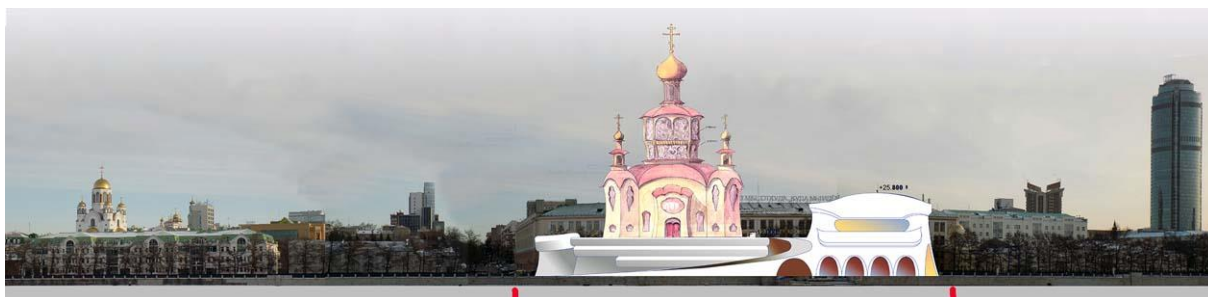

Рис. 7. Блок-схема предлагаемой объемно-пространственной композиции (разработка автора)

а)

б)

Рис. 8. Эскизы собора Святой Екатерины в панораме Екатеринбурга: а) вариант 1; б) вариант 2, ранее опубликованный. Разработки автора

И, наконец, на рис. 9 представлено пояснение к переходу от изначального варианта эскиза (рис. 8б) к более новому (рис. 8а). Эскиз на рис. 8б – результат первых городских размышлений над ситуацией. Однако, посетив в силу обстоятельств реку Чусовую в декабре 2019 года, автор пришел к мысли о необходимости ввести в архитектурно-образную систему собора уральскую природу, естественно не в бутафорском буквальном виде, а как стилизованное обобщение формы.

Рис. 9. Река Чусовая в Староуткинске под Екатеринбургом. Декабрь 2019 г. (фото автора)

Источники иллюстраций

Рис. 1. – URL: https://yandex.ru/maps/2/saint-petersburg/?ll=30.178107%2C59.987064&pt=30.178107%2C59.987064&source=entity_search&z=14

Рис. 2. – URL: <https://pastvu.com/p/a/s/1/q/s1qw2d1xr4x3eizycw.jpg>

Рис. 3. – URL: https://regnum.ru/uploads/pictures/news/2017/06/13/regnum_picture_14973700694728383_normal.JPG

Рис. 4. – URL: https://i2.photo.2gis.com/images/geo/35/4925812104882002_3736.jpg

Рис. 5. Схема автора

Рис. 6–8. Разработка автора

Рис. 9. Фото автора

Литература

1. Ивина М.С. Объемно-планировочные решения современных православных приходских храмовых комплексов в условиях крупнейшего города // Современные проблемы науки и образования. – Пенза: Издательский дом «Академия естествознания». – 2014 – № 3. – С. 820.
2. Борисов С.В. К вопросу о проектировании православных приходских комплексов // Новые идеи нового века: Материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет. – 2015. – Т. 2. – С. 19–25.
3. Волоснов Р.Ю. Сельский православный храмовый комплекс Алтая конца XIX – начала XX в. (планировка и функциональность элементов) // Вестник Томского Государственного Университета. культурология и искусствоведение. –Томск: Национальный исследовательский Томский Государственный Университет. – 2017. – № 26. – С. 140–148.
4. Гречнева Н.В. Современные храмовые комплексы на Алтае (на примере Барнаула) // Культурное наследие Сибири. – Барнаул: Алтайский государственный университет. – 2017. – № 3(21). – С. 90–95.
5. Бочковская В.И. Градостроительная роль современных храмовых комплексов (на примере храмового комплекса апостола и евангелиста Иоанна Богослова города Барнаула) // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – Москва: Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова. – 2018. – № 1-1. – С. 15–25.
6. Бахарев Д.С. Развитие православного ландшафта в современном российском мегаполисе (на примере Екатеринбурга) / Бахарев Д.С., Главацкая Е.М. // Религиоведение. – Благовещенск: Амурский государственный университет. – 2017. – № 4. – С. 143–153.
7. Бондаренко Т.В. Проблемы развития церковных комплексов сибирских городов (рубеж XX-XXI вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: ООО издательство «Грамота». – 2013. – № 1-1(27). – С. 36–38.
8. Лемеш Т.А. Градостроительные особенности размещения православных комплексов на территории брестской области // Вестник Брестского государственного технического университета. Строительство и архитектура. – Брест: БГТУ. – 2017. – № 1(103). – С. 56–59.

9. Петров-Спиридонов Н.А. Генезис архитектурных типов православных храмов в современности и грань между поиском и «архитектурой изгнанных смыслов» // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2020. – №1(50). – С. 23–46. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2020/1kvart20/PDF/02_petrov.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15002.
10. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. – Переяславль-Залесский: Изд-во Братства во имя св. блгв. Князя Александра Невского, 1997. – С. 544.

References

1. Ivina M.S. *Obemno-planirovochnye resheniya sovremennykh pravoslavnykh prihodskikh hramovykh kompleksov v usloviyakh krupneyshego goroda* [Space-planning solutions of modern Orthodox parish Church complexes in the conditions of the largest city. Modern problems of science and education]. Penza, 2014, no. 3, p. 820.
2. Borisov S.V. *K voprosu o proektirovanii pravoslavnykh prihodskikh kompleksov* [On the issue of designing Orthodox parish complexes. New ideas of the new century: Materials of the international scientific conference FAD Togu]. Habarovsk, 2015, vol. 2, pp. 19–25.
3. Volosnov R.Yu. *Selskij pravoslavnyj hramovyy kompleks Altaya konca XIX - nachala XX v. (planirovka i funktsionalnost elementov)* [Rural Orthodox Church complex of the Altai of the late XIX - early XX century. (layout and functionality of elements). Bulletin of Tomsk State University. cultural studies and art history]. Tomsk, 2017, no. 26, pp. 140–148.
4. Grechneva N.V. *Sovremennye hramovye komplekсы na Altae (na primere Barnaula)* [Modern temple complexes in the Altai (on the example of Barnaul). Cultural Heritage of Siberia]. Barnaul, 2017, no. 3(21), pp. 90–95.
5. Bochkovskaya V.I. *Gradostroitel'naya rol sovremennykh hramovykh kompleksov (na primere hramovogo kompleksa apostola i evangelista Ioanna Bogoslova goroda Barnaula)* [Urban planning role of modern temple complexes (on the example of the temple complex of the Apostle and Evangelist John the theologian of Barnaul). Decorative art and object-spatial environment. Herald MGHPA]. Moscow, 2018, no. 1-1, pp. 15–25.
6. Baharev D.S., Glavackaya E.M. *Razvitie pravoslavnogo landshafta v sovremennoy rossijskom megapolise (na primere Ekaterinburga)* [Development of the Orthodox landscape in the modern Russian megapolis (on the example of Yekaterinburg). Religious Studies]. Blagoveshchensk, 2017, no. 4, pp. 143–153.
7. Bondarenko T.V. *Problemy razvitiya cerkovnykh kompleksov sibirskikh gorodov (rubezh XX-XXI vv.)* [Problems of development of Church complexes in Siberian cities (the turn of the XX-XXI centuries). Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Tambov, 2013, no. 1–1(27), pp. 36–38.
8. Lemesh T.A. *Gradostroitelnye osobennosti razmeshcheniya pravoslavnykh kompleksov na territorii brestskoy oblasti* [Urban planning features of Orthodox complexes on the territory of the Brest region. Bulletin of the Brest State Technical University. Construction and architecture]. Brest, 2017, no. 1(103), pp. 56–59.
9. Petrov-Spiridonov N. Genesis of Architectural Types of Orthodox Churches in Modern Times and the Border between Search and «Architecture of Exiled Meanings». *Architecture and Modern Information Technologies*, 2020, no. 1(50), pp. 23–46. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2020/1kvart20/PDF/02_petrov.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15002.

10. Uspenskij L.A. *Bogoslovie ikony Pravoslavnoj Cerkvi* [The theology of icons of the Orthodox Church]. Perejaslavl-Zalesskij, 1997, p. 544.

ОБ АВТОРЕ

Петров-Спиридонов Николай Александрович

Доцент кафедры «Храмовое зодчество», старший преподаватель кафедры «Архитектурная практика», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
e-mail: nicnord@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Petrov-Spiridonov Nickolai

Associate Professor of the Chair «Church Architecture», Senior Lecturer, Chair «Architectural Practice», Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia
e-mail: nicnord@mail.ru